ВОСПОМИНАНІЯ И. И. СВІЯЗЕВА.

1824—1826.

I.

Въ квартирѣ моей, какъ ближайшей къ заставѣ при въѣздѣ изъ Екатеринбурга въ Пермь, назначено было переодѣванье императора Александра I-го, на возвратномъ его пути съ Урала въ С.-Петербургъ, въ сентябрѣ 1824 года. За нѣсколько часовъ до прибытія государя пріѣхалъ его камердинеръ, съ прислугой, и приготовилъ все необходимое: вынули изъ чемодановъ платье, перечистили его, перемѣнили ленточки у орденовъ *) и навѣсили къ окнамъ зеленыя занавѣски. Уже стемнѣло, когда прибылъ государь, вмѣстѣ съ барономъ Дибичемъ, встрѣченный мною на крыльцѣ. Его величество спросилъ: „у кого я въ домѣ?“ и получивъ отвѣтъ, изволилъ войдти въ комнаты. Баронъ Дибичъ остался со мной въ передней, распрашивая меня о городѣ, о губернаторѣ и разныхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ. Переодѣвшись, государь ходилъ по комнатѣ, разсматривалъ кой-какіе эстампы на стѣнахъ и, немного отдернувъ занавѣску у окна, смотрѣлъ на толпу, окружавшую домъ: потомъ позвалъ хозяйку, милостиво благодарилъ за чистоту и порядокъ, распрашивалъ объ ея происхожденіи и удостоилъ вручить ей брилліянтовый перстень. Поблагодаривъ и меня, государь отправился въ каѳедральный соборъ, а оттуда въ приготовленный для его величества казенный домъ, занимаемый бергъ-инспекторомъ.

На другой день были представлены его величеству чиновники города. Насъ горныхъ было до 10-ти человѣкъ. Баронъ Дибичъ спросилъ бергъ-инспектора, помнитъ-ли онъ фамиліи всѣхъ насъ? — „Кажется“, отвѣчалъ растерявшійся старикъ, хотя въ обыкновенное время онъ зналъ имена нашихъ женъ и дѣтей. По совѣту Дибича онъ на-

*) Съ какою радостію раздѣлила моя прислуга старыя ленточки!... И. С.

чалъ вынимать изъ боковаго кармана списокъ, но ему мѣшала шляпа надѣть очки и онъ не зналъ куда съ ней дѣваться. Баронъ взялъ ее, ходилъ съ ней за бергъ-инспекторомъ и подалъ ему, когда старикъ окончилъ обходъ, не кивнувъ даже головой за вѣжливость барона.

Государь у нѣкоторыхъ чиновниковъ спрашивалъ о службѣ, и подходя ко мнѣ, когда бергъ-инспекторъ не успѣлъ еще произнести моей фамиліи, сказалъ: „Я вчера съ вами познакомился“.—У губернскихъ чиновниковъ не обошлось безъ курьезовъ: одинъ, и еще военный, отвѣчалъ на вопросъ государя: давно-ли онъ въ службѣ?—Давно-съ. Другой на такой же вопросъ сказалъ—доволенъ, у третьяго спросилъ государь: какъ ваша фамилія? „Слава Богу здорова, ваше величество“, отвѣчалъ тотъ.

При выходѣ изъ дворца государь, остановясь на крыльцѣ, увидалъ гвардейскаго солдата и назвавъ его по фамиліи, спросилъ—зачѣмъ онъ здѣсь?— „Въ отпуску, ваше императорское величество!“ Государь приказалъ Дибичу дать служивому на дорогу.

Не помню въ тотъ-ли, или на слѣдующій день, какая-то помѣщица, удаленная въ Пермь за жестокое, какъ говорили, обращеніе со своими крѣпостными, просила о чемъ-то государя при выходѣ его изъ дворца. Его величество сказалъ, что сдѣлать этого не можетъ.

— „Государь! Вы все можете сдѣлать“.

„Не могу—законы не дозволяютъ“.

— „Законы во власти царей“.

„Нѣтъ, сударыня, законы выше царей!...“

Освѣдомясь, что государь намѣренъ осмотрѣть Мотовилихинскій мѣдиплавильный заводъ, лежащій въ 4-хъ верстахъ отъ Перми, бергъ-инспекторъ отправился туда со мной. Я предварилъ его, что если государь спроситъ—почему на каменной плавильной фабрикѣ деревянная крыша, то доложите, что она временная, такъ-какъ фабрика еще не окончена. И дѣйствительно—предположеніе мое оправдалось. Внимательно осматривая печи и плавку мѣди, государь дошолъ до прибора, въ которомъ очищается мѣдь отъ чугуна. При словѣ чугунъ государь сдѣлалъ замѣчаніе.—„А вы сказали, что здѣсь мѣдиплавильная фабрика!“—Бергъ-инспекторъ замялся; я поспѣшилъ доложить государю, что въ этой печи очищается мѣдь отъ желѣза, содержащагося въ ея рудѣ. Послѣ того государю угодно было спросить проектъ фабрики, который былъ у меня въ рукахъ. Его величество изволилъ отозваться о немъ въ весьма лестныхъ для меня выраженіяхъ. — По выходѣ изъ фабрики государь разсматривалъ заготовленныя для плавки руды. Мы стояли безъ шляпъ.—„Господа, прошу накрыться“—сказалъ государь. Мы поклонились. Его величество еще

повторилъ тоже — мы опять поклонились.—„Такъ вы вынуждаете меня снять шляпу“, сказалъ государь, намѣреваясь то исполнить. Мы накрылись.

Затѣмъ изволилъ государь пойдти въ заводскій госпиталь и здѣсь, обойдя всѣхъ больныхъ, вошелъ въ аптеку, гдѣ было поставлено пробное кушанье для больныхъ. Какъ время было около полудня, то государь съ апетитомъ изволилъ покушать супу и говядины, и держа послѣдній ея кусокъ на вилкѣ, обратился къ лейбъ-медику Вилье, съ нимъ пріѣхавшему сказавъ: „Это лекарство лучше вашихъ ипекакуанъ, ребарбаровъ и всей вашей аптеки“,—указывая на банки въ шкафахъ. Послѣ того спросилъ онъ берга-инспектора: „Всегда-ли больнымъ даютъ такое кушанье?“ — Грѣшно-бъ было обижать больныхъ, отвѣчалъ старикъ.—„Да и здоровыхъ-то не должно“, произнесъ его величество. Изъ этихъ словъ мы заключили о вѣроятности жалобъ на горное начальство.

II.

...Въ началѣ 1825 года былъ вызываемъ черезъ газеты архитекторъ на службу въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ, съ жалованьемъ по 4.000 въ годъ, съ квартирою и другими угодьями. Хотя жалованье 2,000 руб., которое я тогда получалъ въ горной службѣ, при всей дешевизнѣ въ Перми жизненныхъ потребностей и равномъ значеніи тогдашняго ассигнаціоннаго рубля съ нынѣшнимъ серебрянымъ, не казалось скуднымъ по сравненію съ окладами другихъ, за всѣмъ тѣмъ, безъ постороннихъ работъ, я крайне затруднялся въ своемъ содержаніи, несмотря на скромный образъ своей жизни. И потому я воспользовался сказаннымъ вызовомъ и просилъ графа Аракчеева, частнымъ письмомъ, „удостоить меня чести служить подъ лестнымъ его начальствомъ“. Вскорѣ получено было предписаніе отъ министра финансовъ Канкрина горному правленію о немедленной меня отправкѣ въ военныя поселенія; тотчасъ сдѣлано было распоряженіе о выдачѣ мнѣ прогоновъ, по чину моему, на 2 лошади. Я просилъ на три, такъ-какъ по моему званію у меня долженъ быть необходимый для службы запасъ книгъ и инструментовъ. Пока маститые члены правленія совѣщались о противозаконномъ моемъ требованіи, изъ Петербурга прибыли два горные ревизора и посовѣтовали, удовлетворивъ мое требованіе, отправить меня поскорѣе. По подорожной на тройку, съ магическимъ именемъ Аракчеева, я покатился какъ по маслу, безъ обыкновенныхъ отговорокъ на станціяхъ, что лошади въ разгонѣ. Въ предписаніи не сказано было куда я долженъ явиться, и я направился прямо въ лѣтнюю резиденцію графа — Грузино.

Здѣсь мнѣ отвели одну изъ крестьянскихъ связей *), со входомъ, съ улицы—въ видѣ балкона, въ сѣни или корридоръ во всю ширину дома и съ выходомъ во дворъ. Изъ сѣней направо дверь вела въ комнату безукоризненной чистоты, со стѣнами, обшитыми въ рустикъ и окрашенными розовой краскою. Налѣво отъ дверей нѣчто подобное русской печи, съ чугунными дверцами въ щитѣ. Я сказалъ хозяйкѣ, что боюсь запылить ея чистѣйшую комнату своими дорожными вещами. Мнѣ показали другую половину, состоящую изъ чистой, но нероскошной избы, съ русскою печью — свѣжо-отбѣленною. Сами хозяева жили лѣтомъ въ каменной избѣ, построенной во дворѣ и, признаюсь, неслишкомъ-то опрятной, а домъ стоялъ пустой — для показу гостямъ. Я отдалъ хозяйкѣ свою подорожную. Вскорѣ послѣ того влетѣлъ ко мнѣ адъютантъ Шумскій (считавшійся тогда сыномъ графа) и спросилъ меня—по какому случаю я пріѣхалъ въ Грузино — графъ не помнитъ? Я объяснилъ.—„Ожидайте, когда васъ графъ потребуетъ“, сказалъ Шумскій при уходѣ.

На другой день, въ воскресенье передъ обѣдней, я осмотрѣлъ ближайшую къ квартирѣ моей часть Грузина. Особенно врѣзался въ мою память портикъ, Іоническаго ордена, открытый со сторонъ, весь чугунный. Посерединѣ храмика — статуя Андрея Первозваннаго, съ словами, въ надписи на фризѣ, будто бы имъ здѣсь произнесенными: „Да будетъ благословенна страна сія отнынѣ и до вѣка“.

Зазвонили къ обѣднѣ; я пошелъ въ церковь, весьма хорошей архитектуры, съ колокольней, у которой весь верхній этажъ чугунный. Прямо противъ входа въ церковь дворецъ графа, съ неизбѣжною надписью во фризѣ: „Безъ лести преданъ“. Все готово было къ службѣ, входная дверь отворена. Вотъ графъ вышелъ изъ дворца, дьяконъ вошолъ на амвонъ и провозгласилъ: „благослови владыко“, лишь-только графъ вступилъ въ церковь. Проходя мимо меня, онъ взглянулъ на новое лицо, всталъ у лѣваго пилона, сдѣлалъ земной поклонъ, оглянулся на меня; опять поклонъ и опять оглянулся; наконецъ послѣ третьяго поклона подошолъ ко мнѣ и спросилъ: „а ты Свіязевъ?“ На утвердительный мой отвѣтъ сказалъ: „молись, молись!“ Я не зналъ что и подумать; мнѣ невольно припомнились причуды Суворова!...

Послѣ обѣдни я остался въ церкви для осмотра. Подойдя къ лѣвой боковой стѣнѣ, я увидалъ вверху ея бронзовый медальонъ императора Павла I-го; подъ нимъ изъ бронзовыхъ литеръ, расположенныхъ полукругомъ, надпись: „и прахъ мой у ногъ твоихъ“. Опустивъ

*) Связью въ военныхъ поселеніяхъ назывался домъ, раздѣленный на двѣ равныя половины для двухъ поселянъ-хозяевъ. И. С.

глаза по указанію надписи я увидѣлъ надгробную плиту, на которой начертано: „Здѣсь погребено тѣло новгородскаго дворянина Алексѣя Андреевича Аракчеева". Вѣроятно здѣсь похороненъ отецъ графа, подумалъ я, но его имя было Андрей! Чтожъ это такое? Не рѣшивъ самъ вопроса, я рѣшился спросить у причетника:

— Кто тутъ похороненъ?

— „Тутъ нѣтъ никого, а графъ для себя приготовилъ могилку!"

На концѣ плиты къ алтарю помѣщена изваянная Мартосомъ фигура ангела, держащаго въ рукѣ неугасимую лампаду.

Послѣ обѣда, часу въ седьмомъ, вбѣжала къ намъ испуганная хозяйка съ извѣстіемъ, что графъ показываетъ гостямъ домы своихъ крестьянъ, и начала намъ помогать прибирать разбросанныя дорожныя вещи. Черезъ нѣсколько минутъ входитъ къ намъ графъ съ двумя какими-то генералами, и обращаясь къ нимъ сказалъ:

— „А вотъ рекомендую вамъ господина архитектора, который пріѣхалъ изъ Сибири у меня служить, да—у меня служить!" Потомъ спросилъ у меня—почему мы не заняли чистой комнаты? На отвѣтъ мой онъ сказалъ:

— „А я думалъ, что хозяинъ не захотѣлъ".

Показавъ гостямъ чистую комнату, графъ вышелъ съ ними на крыльцо и обратясь къ моей женѣ, сказалъ:

— „Вы, сударыня, не были у обѣдни, а мужъ вашъ такъ былъ; не грѣшно Богу молиться, право не грѣшно!"

Жена оправдывалась усталостію отъ дороги и проч.

— „А вотъ отдохните у меня, гуляйте вездѣ" сказалъ графъ и уѣхалъ.

Воспользовавшись этимъ дозволеніемъ, мы отправились на прогулку, и только подошли-было ко дворцу, какъ выбѣжалъ верзило-лакей и сказалъ, что здѣсь запрещено гулять. Безъ всякихъ объясненій мы пошли въ сторону. Излишнимъ считаю описывать роскошь и великолѣпіе сада, строгій во всемъ порядокъ и неимовѣрную чистоту. Многое уже истребилось изъ памяти, но я живо припоминаю: 2 башни съ пушками, по сторонамъ пристани на берегу Волхова, цѣлый островъ розъ, изящно отдѣланный гротъ, устроенный для ялика, на которомъ переѣхалъ черезъ Волховъ императоръ Александръ I-й, какъ гласила надпись, съ означеніемъ года, мѣсяца и числа.

Во вторникъ по утру графъ потребовалъ мѣня къ себѣ. Въ пріемной, на плетеномъ диванчикѣ, сидѣла, и вязала чулокъ знаменитая Настасья Ѳедоровна, вскорѣ погибшая такою трагическою смертію. Она извинилась передо мною, что, не зная о дозволеніи графа, сочла насъ чужими и выслала лакея. Потомъ указала мнѣ дверь въ

кабинетъ графа. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ. Распросивъ меня о моемъ воспитаніи и службѣ, обратилъ вниманіе на бумаги, бывшія у меня въ рукѣ.

„А это что такое?“

— Мои аттестаты, ваше сіятельство.

„Намъ ихъ не надо: мы узнаемъ тебя на самомъ дѣлѣ. Теперь отдыхай и приходи сегодня обѣдать“.

Въ назначенный часъ мы отправились на яликѣ, черезъ прудъ, въ павильонъ Мелессино — благодѣтеля графа. За столомъ были Шумской и нѣсколько молодыхъ офицеровъ. Графъ распрашивалъ меня объ Уралѣ, о кражѣ золота и т. п. Съ офицерами шутилъ добродушно. Одинъ изъ нихъ спорилъ съ нимъ безцеремонно. Обращаясь къ нему, графъ, между прочимъ, говорилъ:

— „У васъ въ корпусахъ нынѣче все вѣжливости, да нѣжности, все вы, да васъ; а въ наше время, бывало, отдуютъ въ субботу праваго и виноватаго и тогда отпустятъ домой. За то и учились хорошо и годились на всякій родъ службы, а вы куда годитесь?“

Во все продолженіе обѣда казачокъ стоялъ за графомъ и отгонялъ отъ него мухъ опахаломъ....

Я прожилъ въ Грузинѣ 10-ть дней, и хотя не скучалъ, встрѣчая на прогулкахъ новые предметы и лица, за всѣмъ тѣмъ я желалъ скорѣе освободиться отъ бездѣлья, тѣмъ болѣе, что у меня вышелъ уже запасъ курительнаго табаку, а продажа его и вина запрещена была въ Грузинѣ подъ смертною казнію. Наконецъ графъ откомандировалъ меня въ полкъ короля прусскаго, подъ начальство генерала А. Х. Эйлера. Зная, вѣроятно, о благорасположеніи графа, меня приняли всѣ благосклонно. Мнѣ отвели для квартиры цѣлую деревянную связь *), для 2-хъ посѣлянъ, только-что окончанную и дали мнѣ деньщика. На меня возложено было окончаніе 2-хъ каменныхъ домовъ, по образцу которыхъ предполагалось построить домы для цѣлой роты австрійскаго полка. Для поселенныхъ солдатъ назначался бельэтажъ, съ каминами и голландскими печами, а для поселянъ-хозяевъ — нижній, съ русскими печами. Мнѣ говорили, что проектъ на эти домы былъ составленъ по указанію самого государя императора. Вмѣстѣ съ порученіемъ я получилъ форму донесеній и форматъ бумаги. Такой ужъ былъ порядокъ во всемъ....

Въ одно утро пріѣхалъ осмотрѣть отдѣлываемый мною домъ какой-то

*) Такъ-какъ связь моя ничѣмъ не отличалась отъ домовъ поселянъ, то нерѣдко, въ ночное время, будили меня легкимъ стукомъ въ окно. Я отсылалъ къ сосѣду, который секретно продавалъ запрещенный въ поселеніяхъ товаръ — винцо. И. С.

генералъ — въ армейскомъ мундирѣ, высокой, довольно сухой, съ скромнымъ и добродушнымъ лицомъ. Когда онъ уѣзжалъ, я спросилъ сопровождавшихъ его офицеровъ объ его имени. Мнѣ отвѣчали Шварцъ! — „Какъ, это Шварцъ, бывшій командиръ Семеновскаго полка?“ Мнѣ подтвердили. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ!...

Когда отдѣлка дома приходила уже къ концу, вдругъ сдѣлалась какая-то тревога: начали убирать, очищать, подметать, укладывать, все приводить въ порядокъ. Спрашиваю — не самого-ли царя ожидаютъ? Мнѣ отвѣчаютъ: графъ будетъ!... Всѣ ожидаютъ, все на выѣзжкѣ, хотя на работѣ и дозволено быть не въ полной формѣ? Наконецъ графъ пріѣхалъ, внимательно осмотрѣлъ весь домъ; только замѣтилъ мнѣ, что въ оштукатуренной печкѣ одинъ изъ угловъ кривъ; я отвѣчалъ, что прямъ.

— „А я говорю кривъ“, повторилъ онъ.

Подали отвѣсную доску—уголъ оказался вѣренъ.

— „Виноватъ — извини“, и затѣмъ, сказавъ нѣсколько лестныхъ словъ, уѣхалъ.

Вскорѣ послѣ того отдано было въ печатныхъ приказахъ повелѣніе, что я назначаюсь производителемъ работъ по постройкѣ каменныхъ домовъ для роты императора австрійскаго полка, на трактовой дорогѣ, между Новгородомъ и станціею Подберезье, въ 6-ти верстахъ отъ моей квартиры.

Для постройки, на первый разъ, 6-ти домовъ мнѣ отрядили батальонъ солдатъ, большею частію изъ Ярославской губерніи, въ увѣренности, что всякій ярославецъ непремѣнно каменьщикъ. На дѣлѣ оказалось не то: изъ батальона выискался одинъ, кой-что разумѣвшій въ каменьщичьемъ дѣлѣ. Въ такой крайности я долженъ былъ отыскать старыя записки, веденныя мной съ первыхъ дней моей практики, такъ какъ въ мое время въ Академіи Художествъ не преподавалось строительнаго искусства. Припомнивъ по запискамъ подробности, предоставляемыя обыкновенно десятникамъ, я выучилъ избраннаго мной кондуктора разбивкѣ строенія, приготовленію известковаго раствора, подливкѣ кирпича и т. п. Сначала подливали у меня до 80 кирпичей въ день, а потомъ дошли и до 200.

По окончаніи домовъ въ фузелерной ротѣ, меня перевели въ Подберезье и отвели крестьянскую квартиру—на трактовой дорогѣ; очень комфортабельное житье для человѣка, никогда небывавшаго въ походахъ.... Но и въ такой квартирѣ съ деньгами можно-бъ быть довольнымъ, а я нѣсколько уже мѣсяцовъ не получалъ никакого жалованья. О производствѣ его я просилъ рапортомъ генерала Эйлера.

Это было въ то время, когда графъ не занимался дѣлами, пораженный смертію Настасьи Ѳедоровны.

Въ „Русской Старинѣ“ уже было напечатано подлинное дѣло объ убійствѣ Настасьи; но я полагаю, что не безъинтересно упомянуть здѣсь о слухахъ, доходившихъ до меня въ поселеніяхъ. Н. Ѳ. была женщина весьма аккуратная, любившая чистоту и порядокъ и, вслѣдствіе того, чрезвычайно взыскательная. Этими, именно, качествами она и заслужила благорасположеніе графа. Народъ понималъ это иначе, считая ее колдуньею, которая сверхъ-естественною силою все узнаетъ напередъ и предостерегаетъ графа. Въ одно время горничная ея какъ-то подсмотрѣла, что къ ней прилетѣлъ змѣй и что-то ей шепталъ. Н. Ѳ., съ своей стороны, замѣтила любопытство горничной и хотѣла ей вытянуть языкъ, чтобы лишить ее возможности разсказать о видѣнномъ. Дѣвушка вырвалась, убѣжала и повѣдала обо всемъ брату, служившему на кухнѣ. Братъ, въ порывѣ гнѣва, сталъ точить ножъ. Когда его спросили о причинѣ, онъ отвѣчалъ: „я зарѣжу Настасью“. Товарищи только засмѣялись. Однакожъ въ слѣдующую ночь сестра провела его въ спальню Н. Ѳ.— и онъ исполнилъ, что̀ сказалъ!... Начались аресты и преслѣдованія. Говорили, будто въ Новгородѣ не только всѣ тюрьмы, но и обывательскія бани были переполнены арестованными; говорили, что графъ писалъ государю въ Таганрогъ, стоя въ гробницѣ, и отправилъ письмо съ Шумскимъ...

Когда все поуспокоилось, генералъ Эйлеръ препроводилъ мой рапортъ о жалованьѣ къ начальнику штаба военныхъ поселеній Клейнмихелю. Послѣ долгаго ожиданія я получилъ повѣстку явиться въ Новгородъ, гдѣ былъ построенъ, для пріѣзда графа, небольшой дворецъ, нижній этажъ котораго занималъ Клейнмихель. Онъ потребовалъ меня въ свой кабинетъ и долго уговаривалъ меня согласиться на 2,000 руб. жалованья, такъ какъ другіе архитекторы, давно служащіе въ поселеніяхъ, будутъ обижены, если мнѣ вдругъ дадутъ 4,000 руб.— „Мнѣ не было извѣстно, какое получаютъ жалованье другіе архитекторы, я зналъ только о заявленномъ въ газетахъ жалованьѣ“,— отвѣчалъ я. — „Ну что намъ до газетъ“, возразилъ генералъ. — „Напротивъ, онѣ служатъ основаніемъ моей просьбы.“ —Недобившись отъ меня никакой уступки въ тотъ вечеръ, Клейнмихель приказалъ мнѣ явиться завтра. На другой день онъ повелъ меня въ бель-этажъ — къ графу. Графъ взглянулъ только на насъ, когда мы вошли въ кабинетъ и продолжалъ перебирать бумаги на письменномъ столѣ. Онъ оброс бородой, вѣроятно изъ опасенія бритвы; подойдя ко мнѣ, Аракчеевъ взялъ меня подъ руку и сталъ ходить со мной по кабинету, начавъ разговоръ такъ: „Александръ Христофоровичъ (Эйлеръ) такъ дово-

ленъ тобой, такъ много говорилъ о тебѣ хорошаго, а ты не хочешь у насъ служить!" Я доложилъ ему, что особенною честію считаю служить подъ начальствомъ его сіятельства, но я существую однимъ только жалованьемъ и не дозволяю себѣ никакихъ незаконныхъ къ нему дополненій.

— „Все это хорошо, но вдругъ мы не можемъ тебѣ дать полнаго жалованья, а ты послужи у насъ, и вотъ тебѣ сегодня чинъ, завтра крестъ и выведемъ тебя въ люди!"...

Послѣ нѣкоторыхъ моихъ объясненій, графъ наконецъ сказалъ: „Ну хорошо, мы сдѣлаемъ вотъ какъ: дадимъ тебѣ 2,400 явно, а 1,600 инкогнито, и будемъ знать это: ты, да я, да Петръ Андреевичъ!

Клейнмихель стоялъ на вытяжку, когда мы ходили. Въ моемъ затруднительномъ положеніи, я нашелся только сказать: „получая такимъ образомъ жалованье, я все буду думать, что не заслуживаю получать его обыкновеннымъ порядкомъ".

— „Э, братецъ, возразилъ графъ, оставь ты свою вольтеровщину и будь истиннымъ христіаниномъ. Ну, какая тебѣ надобность въ томъ — какъ-бы ты ни получалъ жалованье, лишь бы получалъ, по примѣру одного царя, который наложилъ подати на грязныя мѣста. Сынъ его — вотъ такой же молокососъ (онъ указалъ на Шумскаго, который что-то писалъ)—сказалъ ему, что это будетъ грязный налогъ. Царь промолчалъ, но собравши золото, взялъ его въ горсть, поднесъ къ носу сына и спросилъ — пахнетъ-ли грязью? А тебѣ, продолжалъ графъ, что за стыдъ получать жалованье, какъ я сказалъ. Развѣ ты мнѣ не вѣришь? Я старикъ, мнѣ 58 лѣтъ, а у тебя еще молоко матери на губахъ не высохло. Ну, давай же руку" — и взялъ.

Отъ графа пошелъ я къ старшему адъютанту Эйлера, Я. П. Красовскому. Это былъ человѣкъ умный, образованный, добрый и ко мнѣ расположенный. Я разсказалъ ему о всѣхъ переговорахъ и просилъ совѣта его—какъ бы мнѣ выпутаться изъ неестественнаго для меня положенія на службѣ по военнымъ поселеніямъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ твердо стоять на своемъ и не довѣряться обѣщаніямъ по бывшимъ примѣрамъ.

Возвратясь въ Подберезье я написалъ начальнику штаба письмо, въ которомъ изложилъ, что только надежда на бо́льшее обезпеченіе своего существованія склонила меня оставить горную службу, и потому я не предвижу ничего для себя лучшаго, если по какимъ-либо обстоятельствамъ долженъ буду довольствоваться однимъ только явнымъ жалованьемъ. Въ концѣ прибавилъ я, что хотя обѣщанія его сіятельства графа для меня священны, но будущее одному Богу извѣстно, намекая тѣмъ на сомнительность

секретнаго жалованья. Но этимъ словамъ придали другой какой-то смыслъ, такъ какъ въ то время носились уже темные слухи о какомъ-то тайномъ обществѣ.

Быть можетъ по этому поводу я, какъ человѣкъ подозрительный, былъ уволенъ изъ поселеній предписаніемъ такого содержанія:

„Графъ Аракчеевъ весьма удивляется (такъ начинается предписаніе), что господинъ молодой мальчикъ Свіязевъ не уважилъ того, что графъ призывалъ его лично къ себѣ и объявилъ рѣшительную свою волю въ разсужденіи назначенія ему жалованья, на что онъ былъ согласенъ*) и послѣ того осмѣлился вторично (?) перемѣнить свои мысли и писать къ начальнику штаба возвращаемое при семъ къ нему письмо, что доказываетъ его молодость и неосновательность, вслѣдствіе чего увольняетъ его изъ корпуса военныхъ поселеній и приказетъ сдѣлать расчетъ въ его жалованьи". Графъ Аракчеевъ.

№ 3,176. Новгородъ. 25 ноября 1825 года.

Полагаю, что эту грамотку писалъ Шумской подъ диктовку самого графа. Но чѣмъ она была безграмотнѣе, тѣмъ худшихъ послѣдствій долженъ былъ я ожидать для себя, зная, что графъ шутить не любитъ, что̀ подтверждали и посѣщавшіе меня офицеры. „Еслибъ графъ и вы, говорили они, были въ Петербургѣ, онъ сказалъ бы вамъ: „или оставайся въ поселеніяхъ, или ступай за рѣчку". Извѣстно, что домъ графа былъ на лѣвомъ берегу Невы, а крѣпость на правой.

Для развлеченія пошелъ я на почтовую станцію справиться не проѣхалъ ли мой знакомый въ Петербургъ, но вмѣсто того узнаю о кончинѣ Александра Благословеннаго. Съ осторожностію сообщилъ я эту горестную вѣсть женѣ: она въ слезы, а я, признаюсь въ эгоизмѣ, подумалъ: не спасетъ ли благодушный государь и смертію своею одного изъ своихъ подданныхъ?... Думалъ-ли графъ, читая мои пророческія слова въ письмѣ „будущее одному Богу извѣстно" что его скоро оставитъ государь и другъ, и что со смертію его онъ не можетъ уже выполнить даннаго мнѣ обѣщанія на счетъ секретнаго жалованья, и чиновъ, и крестовъ?

Въ немногіе дни царствованія Константина Павловича графъ оставался въ Новгородѣ, но когда узналъ о вступленіи на престолъ Николая Павловича — выбрилъ бороду и, забывъ свою горесть, тотчасъ поскакалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Клейнмихелемъ. Ничего не зная, что̀ дѣлается въ Петербургѣ, и я отправился туда 19-го декабря на долгихъ—по малому остатку денегъ. Проѣхавъ верстъ 30, мы остано-

*) Т.-е. не вырвалъ изъ его руки своей. И. С.

вились ночевать; намъ отвели особую комнату. Когда мы пили чай, къ намъ приходитъ хозяйка и какъ-то грустно и трусливо говоритъ:

„Что это вы вздумали ѣхать въ Петербургъ“?

— А чтожъ такое?

„Да тамъ не совсѣмъ-то ладно“ — и начала разсказывать о событіяхъ на площади 14-го декабря.

Жена въ слезы, услыхавъ о друзьяхъ нашихъ Бестужевыхъ, а я ходилъ по комнатѣ и смѣялся, считая все это вздоромъ.

— Да отъ когожъ ты узнала объ этомъ, хозяюшка?

„Да отъ извощиковъ, батюшка, которые какъ-то прорвались чрезъ Волковскую заставу“.

На другое утро, на слѣдующей станціи, мы остановились пить чай. Отъ меня потребовали уже видъ. Тутъ-же остановился чиновникъ, ѣхавшій изъ Петербурга, и сообщилъ мнѣ по секрету о нѣкоторыхъ подробностяхъ событія. Признаюсь, послѣ того, мы продолжали путь не безъ страха. Каждый завидѣнный вдали возъ съ сѣномъ я принималъ за толпу бунтовщиковъ и немедленно вооружался. Къ удивленію, мы въѣхали въ Петербургъ безъ всякаго опроса на заставѣ. На улицахъ вездѣ царствовала тишина и спокойствіе. На Исакіевской площади я не замѣтилъ ни малѣйшаго признака бывшихъ событій, но толковъ объ нихъ было еще много. Между моими знакомыми я находилъ людей, большею частію несочувствующихъ декабристамъ. Нѣкоторые просто называли ихъ глупцами. Я сказалъ на это, что я зналъ немногихъ изъ нихъ, но тѣ, которыхъ я зналъ, были люди весьма образованные и умные.

— „А скажите, пожалуйста, возражали мнѣ — какой умный бросается въ воду, не отыскавъ броду?“...

Но мнѣ было не до того съ однимъ рублемъ въ карманѣ. Я отправился въ штабъ военныхъ поселеній (гдѣ нынѣ главное казначейство). Клейнмихель принялъ меня въ кабинетѣ. На вопросъ его я отвѣчалъ, что пришелъ просить его превосходительство о расчетѣ въ слѣдующемъ мнѣ жалованьѣ.

„А развѣ вы не хотите у насъ служить?“

— Я получилъ уже предписаніе отъ графа объ увольненіи меня изъ корпуса военныхъ поселеній.

„Но это предписаніе можно измѣнить, если вы остаетесь у насъ на службѣ“.

— Послѣ того что случилось — я считаю его неизмѣнимымъ.

„Послѣ того съ вами нечего и говорить“, сказалъ надменно Клейнмихель.

Мнѣ показалось это оскорбительнымъ: я обернулся и вышелъ изъ кабинета, порядочно хлопнувъ дверью.

Вскорѣ предложили мнѣ опять вступить въ горную службу съ увеличеніемъ содержанія. Дѣло по моему опредѣленію зависѣло отъ И. А. Кованько, стараго моего знакомаго, бывшаго начальникомъ отдѣленія въ горномъ департаментѣ. Я представляю ему выданный мнѣ изъ военныхъ поселеній аттестатъ.

„Эзопъ Эзоповичъ (такъ онъ обращался къ лицамъ, коротко ему знакомымъ), да тебя нельзя принять ни въ какую службу!“

— Вы шутите, И. А.: развѣ въ аттестатѣ написано, что я замѣшанъ въ декабрскихъ происшествіяхъ?

„Хуже, Эзопъ, Эзоповичъ, хуже — ты служилъ у Аракчеева въ поселеніяхъ, а Канкринъ, его созданіе, ни за что не приметъ тебя въ нашу службу!“

— Помилуйте, И. А., развѣ я кабальный Аракчеева?

„Вотъ и угадалъ! Теперь поди-же въ сенатскую лавку и спроси тамъ указъ такого-то года“...

Указъ говорилъ, что служащій въ поселеніяхъ можетъ выдти въ отставку только по болѣзни, а если выздоровѣетъ и пожелаетъ вступить въ службу, то исключительно въ поселеніяхъ!... Теперь я понялъ, что Аракчеевъ и Клейнмихель хорошо знали, что я вынужденнымъ найдусь просить у нихъ, какъ милости, оставить меня на службѣ въ поселеніяхъ. Нѣтъ, я лучше пойду въ десятники къ какому-нибудь подрядчику, а не унижусь до этого! Однако-жъ, надобно было на что-нибудь рѣшиться. Ничего не придумавъ, я рѣшился написать въ Новгородъ Я. П. Красовскому, что „въ аттестатѣ, которымъ меня удостоилъ почтеннѣйшій генералъ (Эйлеръ), сказано, что я служилъ въ военныхъ поселеніяхъ и по этому меня не принимаютъ ни въ какую коронную службу. Бога ради снимите съ меня это позорное пятно!“...

По присланному свидѣтельству, въ которомъ сказано было, что я находился въ военныхъ поселеніяхъ только для испытанія моихъ способностей и, по собственному желанію, уволенъ, я былъ опять принятъ въ горную службу.

Въ это время пріѣзжалъ ко мнѣ нѣсколько разъ полковникъ, служащій въ штабѣ военныхъ поселеній, посовѣтоваться со мной насчетъ мѣста для постройки въ Перми отдѣленія для кантонистовъ. Разговаривая съ полковникомъ о своихъ дѣлахъ, я проговорился, что намѣренъ подать прошеніе государю императору, если мнѣ не выдадутъ жалованья изъ 4,000 руб. Не знаю, передано ли это было кому слѣдуетъ, или случилось само собою, но вскорѣ меня пригласили въ

штабъ. Войдя въ пріемную. Клейнмихель прямо обратился ко мнѣ лисой:

„Что это васъ не видать?“.

Я сослался на праздники и на то, что пріискивалъ себѣ мѣсто.

„Все же, однакожъ, надо было показаться: вѣдь не отъ хлѣба ходятъ, ко хлѣбу. Позвать ко мнѣ генерала Воронова!“ — приказалъ онъ курьеру. Черезъ минуту генералъ Вороновъ предсталъ, съ руками по швамъ.

„Сдѣлайте расчетъ съ г. Свіязевымъ“.

Признаюсь, я не мало былъ удивленъ тѣмъ, что генералъ продиктовалъ мнѣ, что изъ 4,000 руб. слѣдуетъ мнѣ получить за 4 мѣсяца столько-то рублей!...

Такимъ образомъ кончились всѣ мои исключительныя сношенія съ военными поселеніями, гдѣ я видѣлъ страшный сонъ на яву, отъ котораго проснулся только по милости Божіей, но проснулся съ потерею осьми мѣсяцовъ дѣйствительной службы...

И. И. Свіязевъ.